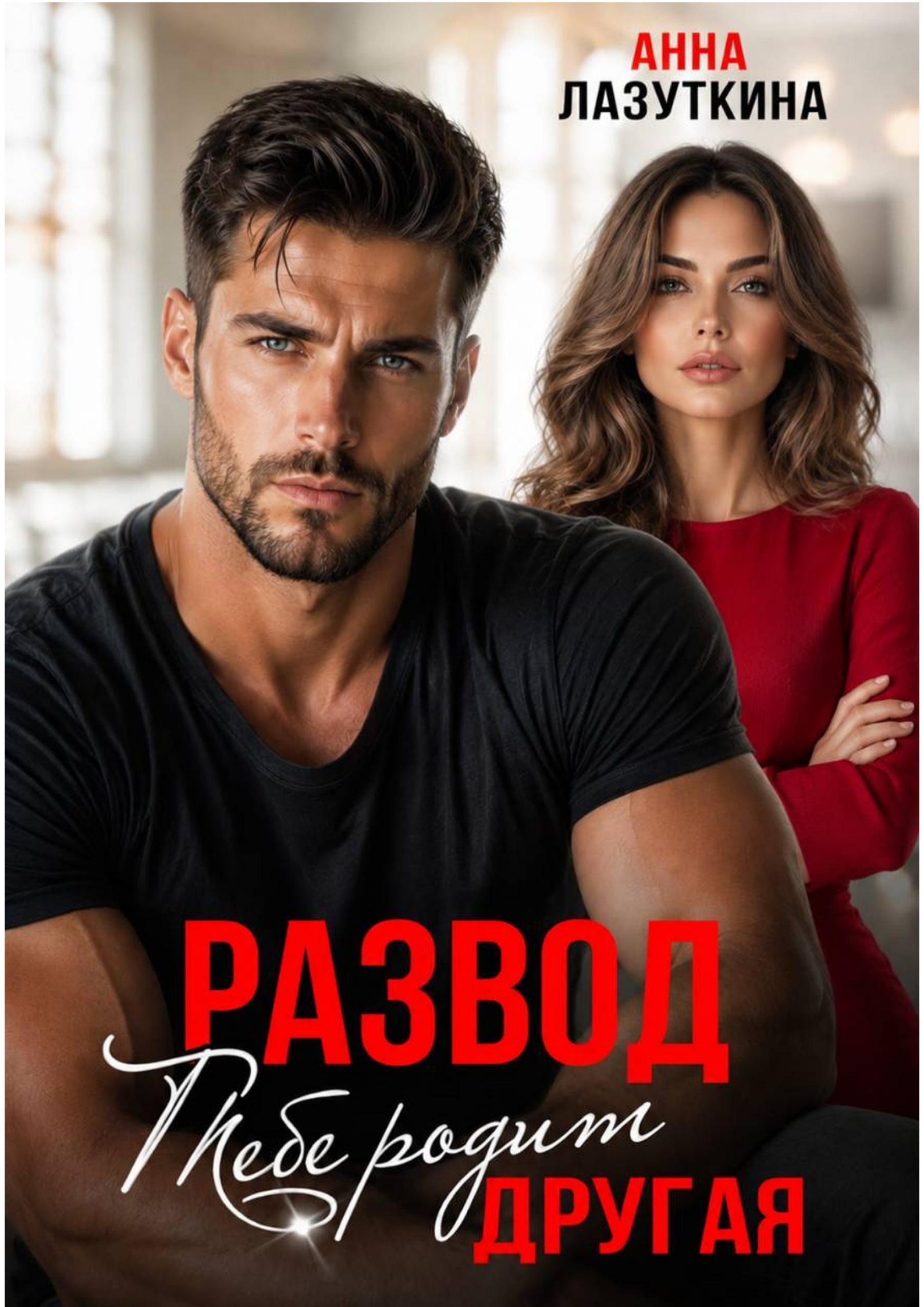


A man with dark hair and a beard, wearing a black t-shirt, is in the foreground, looking intensely at the camera. Behind him, a woman with long brown hair, wearing a red dress, stands with her arms crossed, looking slightly to the side. The background is a bright, out-of-focus interior.

**АННА
ЛАЗУТКИНА**

РАЗВОД
Небе родит
ДРУГАЯ

Анна Лазуткина

Развод. Тебе родит другая

«Автор»

2026

Лазуткина А.

Развод. Тебе родит другая / А. Лазуткина — «Автор», 2026

– Арина, это не имеет значения.– Что? Что не имеет значения? То, что ты мне изменяешь? То, что я узнала об этом? Или то, что она беременна?! Отталкиваю его от себя и отхожу в другой конец комнаты.– Все эти ее посты, хештеги, это просто игра, понимаешь. Я не люблю ее, Ариша. Я тебя люблю, а она ... так, для встряски.Поднимаю на него глаза и будто вижу впервые. Не верю, что это мог сказать мой муж.– Она беременнаОн небрежно пожимает плечами.– Ну хоть у кого-то из нас двоих будет ребенок, – его слова режут по живому, – разве ты не рада за меня?– Да пошел ты!Он хватает меня за локоть.– Ты моя жена. И ею останешься. А Настя – мать моего будущего ребенка. Будь мудрой бабой, в конце-то концов! Не можешь мне родить, так другим не мешай!***Когда-то давно с нами произошла трагедия. Он клялся, что всегда будет со мной. Но предал в трудный период. Когда я залечивала раны от очередной неудачной попытки ЭКО, муж завел роман.

© Лазуткина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	8
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анна Лазуткина

Развод. Тебе родит другая

1

Смотрю на фото теста на беременность с двумя яркими полосками.

Ниже подпись:

«Ура! Я беременна!»

В глазах стоят слезы. Это не моя фотография, не мой тест, и страничка, на которой выложили фото и отметили *моего* мужа, тоже не моя.

Будто издалека до меня доносится запах горелого кофе.

Я и забыла про турку на плите. Машинально убираю турку с кофе в раковину, протираю плиту тряпкой. И снова беру телефон.

Я уже на сто раз перечитала комментарии в духе «Поздравляю» и «Антоха молодец».

Антоха – это мой муж. И его тоже поздравляют, как мило. Тоже, что ли, написать пару ласковых слов?

Отшвыриваю телефон и кричу в пустую кухню.

Я не верила, когда Ира, моя подруга, рассказала, что Антон мне изменяет.

Она долго мялась, смотрела в пол, кусала губы, а потом не выдержала и сказала, что видела его с любовницей. Что они даже не скрываются, что работают вместе, и вообще...

Ире я сначала не поверила. Убеждала себя, что она обозналась. Так уж вышло, что Ира работает в том же бизнес-центре, где и мой муж.

Но потом она молча скинула мне ссылку на страничку этой самой девицы.

Любовницы моего мужа.

Или девушки?

Каждый второй пост – совместное фото с Антоном. Вот они вместе на горнолыжном курорте, он туда ездил на корпоративную поездку.

Вот они лежат в джакузи. Вот она целует его, вот фото кольца и сережек с подписью:

«Любимый решил порадовать», хештег *«любовь навеки»*.

А ниже комментарий:

«Люблю мою киску».

Его написал Антон, мой муж.

Я никогда не любила соцсети. Сидела там недолго еще лет десять назад, когда все только-только зарождалось.

У меня не было нигде странички, и Антон, как и все наши друзья, знал об этом.

Потому, наверное, он особо не скрывался в сети, с удовольствием комментируя все записи любовницы.

Она молодая, моложе меня лет на десять, видимо. Будто совсем недавно окончила институт.

У нее большие сделанные губы, муж всегда говорил мне, что такие ему не нравятся.

У нее платиновые волосы. Я брюнетка.

Она миниатюрная будто бы. Я высокая.

У нее светлые-светлые брови и пирсинг у нижней губы. У меня черные от природы брови и проколоты только уши.

Она везде смеется на фото, а я же... Я серьезная.

Она беременная. Я бесплодная.

Мы во всем разные.

Даже не знаю, что причинило больший удар: его измена, такая наглая и открытая, или беременность его любовницы?

Или горькое осознание, что мне никогда, господи, никогда не испытать это счастье.

Я бесплодна, бесплодна, бесплодна, и этот приговор висит надо мной вот уже пять лет!

Я не могу отделаться, смыть его с себя, не могу забыть, ведь я так мечтала стать мамой.

Так мечтала родить от любимого мужчины.

А теперь родит она...

Любовница моего мужа.

Когда-то он клялся, что будет со мной навсегда, что трагедия, перечеркнувшая наши жизни на До и После, ничего не изменит.

Трагедия не изменила. Изменил он сам.

И пока я ходила по врачам, готовилась к очередному протоколу ЭКО, ставила свечи в храме, ездила по знахаркам и психологам, он спал с другой.

Когда я лила слезы ему в плечо от того, что снова не получилось, он заглядывал в телефон и писал ей.

Я рыдала от невозможности иметь ребенка, он говорил «Все будет хорошо», а потом трахал другую.

Это какой-то кошмар. Разве такое возможно в реальной жизни?

Несколько секунд я сижу, уставившись в одну точку. Поднимаю телефон и делаю скриншот поста с тестом. Отправляю мужу.

«Поздравляю», печатаю ниже я.

Нервно смотрю на экран, проверяю, прочитал или нет.

Чего я хочу сейчас? Сама не знаю. Хочу, чтобы это был страшный сон, кошмар, из которого я вот-вот проснусь.

Через пять минут перезванивает Антон.

– Что это значит? – его голос звучит приглушенно.

– Поздравляю с тем, что ты скоро станешь папой. Ты ведь так этого хотел, – мой голос дрогнул, – только мог бы мне сказать сначала...

Он матерится.

– Арина, бляха! Это не то... Это... Будь дома, я скоро приеду!

Он отключается.

Хаотично собираю вещи, швыряю наши фотографии в рамочках на пол, плачу.

Но когда приезжает Антон, я почти спокойна.

Вот только смотреть на него очень больно. Мысли лишь о том, как он спал с другой, как вот этими губами целовал ее, вот этими руками трогал ее...

Меня начинает тошнить.

Не разуваясь, он входит в комнату и хватается меня за плечи.

– Арина, это не имеет значения.

– Что? Что не имеет значения? То, что ты мне изменяешь? То, что я узнала об этом?

Или то, что она беременна?!

Отталкиваю его от себя и отхожу в другой конец комнаты.

– Все эти ее посты, хештеги, это просто... просто игра, понимаешь. Я не люблю ее, Ариша. Я тебя люблю, а она... так, для встряски.

Поднимаю на него глаза и будто вижу впервые. Не верю, что это мог сказать мой муж.

– Она беременна... – шепчу.

Он небрежно пожимает плечами.

– Ну хоть у кого-то из нас двоих будет ребенок, – его слова режут по живому, – разве ты не рада за меня?

– Ты сошел с ума? Что ты вообще такое несешь? Нет, бляха, я не рада! Я только что узнала, что ты мне изменял, что любовница от тебя беременная, и должна быть рада? Да пошел ты!

Он подпрыгивает ко мне и хватается за локоть.

– Угомонись, – насильно прижимает к себе, – и подумай хорошенько. Куда тебе идти? К маме в деревню? Ты же даже не работала толком последний год. И сколько там музейные работники получают? Двадцать тысяч? Тридцать? Да ты с голоду подохнешь! И квартира эта не твоя.

Он сжимает меня еще крепче, становится больно.

– Ты, Арина, моя жена. И ею останешься. А Настя – мать моего будущего ребенка. Так уж вышло. Будь мудрой бабой, в конце-то концов! Ну не можешь ты мне родить, так другим не мешай!

– Ты спятил! – отталкиваю его от себя и падаю на диван.

– Это ты дура, если откажешься от того, что я предлагаю. Все просто. Мы живем дальше, как будто ничего не было, и ты ничего не знаешь.

– То есть ты собрался жить на две семьи?!

– Да какая у нас семья, – бросает он, – на два дома. Жить на два дома. Буду тебя, как и раньше обеспечивать, а ты на все будешь закрывать глаза. А когда родится ребенок... Ариша... Тогда ты изменишь свое мнение. Ведь это мой ребенок! Мой! Разве не об этом мы так долго мечтали?

Он садится рядом со мной и нежно гладит по щеке. Улыбается. Ласково, той самой улыбкой, за которую я его когда-то полюбила.

Я тоже улыбаюсь.

Мягко убираю с себя его руку и с размаху бью его по лицу.

– Больно?! Это ничто по сравнению с тем, как больно ты сделал мне сейчас. Да пошел ты нахрен!

Он меняется в лице.

– Сука... Тогда собирай манатки и проваливай. Сама потом будешь в ногах валяться и просить вернуться к тебе. Кому ты еще нужна такая?

Его последние слова добивают меня.

Оборачиваюсь, чтобы обернуться и взглянуть в его лицо. Неужели я была так слепа, что любила такого ублюдка?

Или он стал таким за годы наших бесплодных попыток?

Или он просто так проявляет злость и обиду?

– Прощай, Антон, – говорю я, забираю сумку, что спешно собрала, и ухожу из дома.

Ухожу, как он и предвидел, в никуда.

2

Вокзал встречает непривычной тишиной. Оно и понятно: сейчас почти два часа ночи. Поезд до городка, где живет мама, отправляется в два-двадцать.

Меня знобит, то ли от ночной прохлады, то ли от нервов и недосыпа. Покусываю губы, сверяюсь с электронным табло. Скоро прибудет поезд.

Давно я у мамы не была...

Антон вечно отказывался ехать туда, а мама к нам приезжать не хотела: у нее огород, куры, собаки, цветы, в конце концов. На кого она их оставит? Так всегда она говорит.

Теперь еду сама. Давно пора.

Три дня, после того как ушла от Антона, я прожила у Ирки. Бездумно смотрела телевизор, плакала, с каким-то диким мазохизмом разглядывала фото этой его любовницы.

Поедала шоколад, потом вообще ничего не ела. В груди будто выжженная пустыня.

Подала на развод.

А потом поняла, что хочу к маме. Просто уткнуться ей в плечо и поплакать. И чтобы она просто пожалела меня, как в детстве.

И вот я здесь, стою с маленькой сумкой и осоловелыми глазами вглядываюсь в железнодорожные огни.

Прибывает поезд.

Я быстро иду к своему вагону, по пути показываю паспорт и буквально падаю на полку. Попутчики давно спят, в вагоне полумрак. Проводница дает комплект постельного белья, а мне чудится в ее взгляде не то жалость, не то осуждение.

Это от недосыпа и нервов.

В поездах я обычно не могу спать. Но тут случилось чудо: только голова коснулась подушки, как я сразу уснула, а проснулась только утром.

Я не предупредила маму. Сама не знаю, почему. Смалодушничала.

Антон ей не то чтобы нравился, но она была рада, что я удачно (как она думала) вышла замуж.

Потому меня никто не встретил, и я плелась по тихой улице, невольно улыбаясь.

Времени для моего городка не существует. Дорога, магазины, клумбы такие же, что были в моем детстве. Только салоны сотовой связи да пара отделений банков появились, вот и все новшества.

От вокзала до маминого дома пешком пятнадцать минут, автобус я ждать не стала. Пройдя мимо панельной пятиэтажки и здания школы, я оказалась у тупиковой улицы.

В конце, за зеленым забором, стоит мамин дом. Ставни выкрашены в лимонный цвет, на крыше новая черепица.

Сердце замирает, и я останавливаюсь, чтобы перевести дыхание и полюбоваться.

Когда-то мы жили в пятиэтажке, но после смерти папы мама продала квартиру, купила этот старенький домик и за несколько лет превратила его в картинку.

Дом, огород, сама земля, как она говорит, вернули ее к жизни, помогли оправиться после смерти папы.

Мамуля ушла на пенсию, и из высококлассного бухгалтера превратилась в великолепного садовода. Кажется, это ее призвание.

Подхожу к калитке, раздается грозный лай. Выглядываю за забор. На меня несется серая бесформенная громадина и лает так, что кровь стынет.

– Что-то тебя я не припомню... – шепчу я и отхожу от забора.

– Ляля, тихо! – слышу звонкий голос мамы, – ты чего раздухарилась с утра? Ляля, ко мне. Кого ты там увидела? Ах! Доченька! Аришенька! А ты чего без звонка, я бы встретила, пирожков твоих напекла бы. А Антон где? Ты одна, что ли?

Тут мама внимательно вглядывается в мое лицо, и мне не нужно ничего говорить, она и так все будто поняла без слов. Мама выбегает за калитку, крепко обнимает меня и шепчет:

– Ничего-ничего, рыбонька, и это пройдет. Пойдем в дом. Смотри, какая у меня собачка поселилась. Ляля зовут.

На кухне у мамы работает телевизор, на сковороде жарятся оладьи, на столе дымится крепкий чай, в блюдах варенье и сметана и каша, которую я почти прикончила. У ног ластится кошка.

– Значит, мурло этот твой Антон, – выносит вердикт мама, переворачивая оладью.

– Мам, ты же не ругаешься.

– Когда надо – ругаюсь. Могу и матом. Могу и по башке дать. Кушай оладушек. Мурло он и есть! У-уух, что ж с мужиками-то стало, я не пойму? Чего им надо, скотам?

– Ребенка, наверное, – тихо говорю, – мам... Он же не просто изменил. Его любовница беременная.

Мама резко оборачивается и садится напротив меня. Долго-долго смотрит в глаза и молчит. Губы ее плотно сжимаются, бледнеют. Будто ей больнее, чем мне.

Мама стискивает мою руку и говорит:

– Ему все вернется, доченька. Черт с ним.

Мы обнимаемся крепко-крепко, а потом продолжаем пить чай.

После обеда и небольшого отдыха мама отправила меня в огород. Она вообще верит, что земля и труд способны вылечить от всего на свете. Переодевшись в старые спортивные штаны, древнюю толстовку, которую мама нашла где-то на чердаке, я вооружилась тяпкой и пошла в огород.

Волосы завязала в хвост и убрала под косынку. И принялась за работу. Монотонно, медленно, вонзая руки в почву, время от времени глядя на небо.

Никогда не любила все эти огородные страсти.

Но – странное дело – помогало. Действительно помогало и отвлекало от мыслей. Время текло, пару раз мама звала меня передохнуть, я отказывалась.

Встала во весь рост, чтобы размять спину и ноги.

И тут послышался визг тормозов, грохот и оглушительный лай собаки. Какой-то приду-рок при развороте врезался в наш забор. Собака Ляля разрывалась в лае.

Бегу к калитке, по пути успокаиваю Лялю.

Из синего внедорожника распахиваются двери и доносится трехэтажный мат.

– Я тебе нахрена дал порулить, щегол? – слышу я подозрительно знакомый голос.

С водительского сиденья выползает подросток лет семнадцати, следом выходит двухметровый бугай и дает ему подзатыльников.

– Дебил, ты не только машину поцарапал, – говорит он, – ты еще и забор людям покалечил.

– Да, Серега, блин, я же не думал, я...

Бугай дает ему еще подзатыльник.

– Значит, надо учиться думать, да? Идем к хозяевам дома.

Тут он поворачивается и видит меня. Внутри меня все застывает. Черт. Кого-кого, а его я меньше всего хочу видеть.

Он меняется в лице и расплывается в улыбке, как мне кажется – в едкой.

– Бунова? Аринка Бунова? Ты, что ли?

– Привет, Соломатов, – угрюмо отвечаю я.

Сергея Соломатов. Одноклассник, черт его возьми. Пришел к нам в восьмом классе и не давал мне спокойной жизни до самого выпускного.

И нет, он не бегал за мной и со школы не провожал. Он вечно смеялся, пакостил: то рюкзаки мои в туалете спрячет, то номерок закинет куда-нибудь, то в шапку снег напихает...

А на выпускном так вообще отличился. Фу, даже вспоминать не хочу! Ненавидела его все старшие классы.

Вот уж точно чью физиономию я не хотела увидеть сегодня. Сейчас. Особенно сейчас. Уже вижу по его хитрым карим глазюкам, как он в душе смеется над моим видом, косынкой на голове и пятном земли на подбородке.

– Ты живешь здесь, что ли? – он беззастенчиво оглядывает меня с головы до ног, сунув руки в карманы.

– К маме приехала. А ты, смотрю, как обычно: все делаешь шумно. – Красноречиво смотрю на забор, который вот-вот завалится набок.

Соломатов отвечает очередной подзатыльник подростку.

– Исправим. Ну-ка, оболтус, – он поворачивается к пареньку, – давай, иди извинись перед девушкой.

Парнишка угрюмо смотрит исподлобья.

– Из..извините.

Соломатов ухмыляется и смотрит на меня.

– Брат это мой младший. Упросился за руль сесть. – Поясняет Сергей, – живет с родителями неподалеку. Да ты помнишь, наверное?

– Я понятия не имею, где ты живешь или жил, Соломатов. – Скрещиваю руки на груди, – Ты чего мне зубы заговариваешь? Вы забор испортили.

– Испортили, – он невесть чему веселится, – вернее, братец испортил. Да, Миша? Испортил? Вот и будешь теперь исправлять.

Парнишка совсем поник.

– Серега, ну это. Ну ты родакам не говори, а. Ты заплати, а я, я потом отработаю, – говорит он.

Серега усмехается.

– Отработаешь, – почти ласково говорит он и треплет братца по плечу, – куда ж ты денешься. Вот прямо сейчас и начнешь.

– В смысле?

– В коромысле. Забор сломал – вот и будешь чинить. Будет тебе трудотерапия, – Соломатов переводит взгляд на меня, – не дрейфь, Аринка. Забор как новенький будет. Этот оболтус, конечно, даже молотка в руках не держал. Разбаловали его предки. Но теперь научится быстро. Под моим чутким контролем.

Мы с его младшим братом синхронно закатываем глаза.

– Может, лучше деньгами, а? – с надеждой спрашивает Миша. Так его зовут, кажется.

– Лучше, Муха, руками. Руками.

Соломатов подходит к машине, заводит и выходит ко мне.

– Мы сейчас за инструментами поедem. А потом вернемся чинить забор. Ты извини, что так вышло. Дурак он, сами были такими в таком возрасте.

Не были. А был. Ты был, думаю я, но молчу.

Соломатов и его братец садятся в машину.

Серега машет мне рукой и кричит:

– Скоро вернемся. Маме привет!

Недоуменно провожаю взглядом его машину. Чего он так веселится? Пакость какую-то задумал? И причем здесь моя мама? Какой нафиг привет? Она его даже не помнит.

3

– Мальчики, идите обедать! – кричит мама, выйдя на крыльцо.

Закатываю глаза и недовольно выдыхаю. Вот уже четвертый день, как два брата Соломатовых приезжают, чтобы починить забор.

Сначала я думала, что они все сделают за пару часов, и больше наглую физиономию Сереги я не увижу.

Но оказалось, что там что-то со столбами, и теперь они решили поменять столбы.

Соломатов, судя по всему, знал, что делает. А вот на младшего было грустно смотреть. Впечатление, что до этого ничего тяжелее компьютерной мыши он в руках не держал.

Моя сердобольная мама решила, что раз такое дело, то ребят надо кормить. А они и рады. Обедали и ужинали теперь вместе с нами.

Мой запланированный отдых и зализывание ран превратилось невесть во что.

В присутствии Соломатова не расслабишься. Не получается у меня. Вот и сейчас гляжу, как он умывается, садится за стол, берет ложку, а у самой все каменеет внутри.

Его брат сидит рядом с ним. Мы с мамой – напротив. Мы с Мишей обычно молчим. А вот мама и Серега разговаривают так, будто старые друзья.

Это раздражает.

Вообще-то Соломатов мой школьный враг. А мама его борщом потчует и улыбается.

– Сережа, ты надолго приехал? – спрашивает мама.

Я в изумлении чуть не подавилась.

– На пару недель. Отец после инсульта еще до конца восстановился. Помните, в прошлом году приступ был? Вот я и приехал матери помочь. А потом – назад в город. Дела, бизнес не ждут.

Пораженно смотрю на обоих. Они продолжают разговаривать. Я понимаю, что они очень даже знакомы. И были знакомы до этой истории с забором.

Но как? Может, через родителей Соломатова? Городок-то у нас маленький, все друг друга знают.

– А Лена твоя где? В городе осталась? – мама ставит перед ним тарелку со вторым.

Соломатов хмурится.

– Осталась... В прошлом она осталась. Развелись мы полгода назад. – Его голос меняется, и мы с ним вдруг сталкиваемся взглядами.

В его карих глазах я вдруг вижу что-то бездонное. Глубокое. А мне всегда казалось, что там – пустота.

За столом воцаряется тишина. Мы с Соломатовым продолжаем смотреть друг другу в глаза.

– Сочувствую, – тихо говорю я.

Он недобро усмехается и качает головой.

– Тут не сочувствовать, а поздравлять надо. Я всегда считал, что свой человек останется рядом. – Он откидывается на стуле и смотрит уже без усмешки, серьезно. – Значит, это был не мой человек.

Я вспоминаю про Антона. Про наш десятилетний брак, который рухнул. Я думала, что Антон – мой человек.

– Это полная чушь, – резко говорю я и встаю убирать тарелки. Подхожу к раковине. На глаза набегают слезы.

Раздраженно смахиваю их и молча выхожу из кухни.

Остаток дня я провела в своей спальне. Три вечных С в депрессии:

Сон, Слезы, Сладкое.

Я спала, плакала и ела шоколад, просматривая хорроры.

Вечером решила включить телефон – все эти дни он отключен. Посыпались десятки уведомлений.

Сообщения от Иры, от бывшей коллеги, из домового чата. И от Антона.

Сначала думаю стереть их, не читая.

Не выдерживаю и открываю.

«Арина, ты где?»

«Перезвони».

«Не смог до тебя дозвониться. Ты где?»

«Даю тебе последний шанс вернуться. Не дури».

«Хрен с тобой. Разводимся».

И последнее сообщение – фотография. На ней Антон обнимает свою любовницу. На фоне – наша спальня.

– Какой же ты урод... – шепчу я.

Меня начинает трясти. Боль перемешивается со злостью. Зачем? Зачем он так со мной? Дрожащими руками блокирую его везде, где только возможно.

Теперь нужно удалить его не только из жизни, но и из памяти.

Я бы легче все это перенесла, если бы не беременность его любовницы. Если бы он честно сказал мне, что больше не может пытаться.

Что хочет другую, которая сможет ему родить...

Еще полгода назад я была готова к этому морально. Но потом – очередная подготовка к протоколу. Очередная неудача...

Почему он позволил мне снова пройти через это? Ведь у него уже была другая. Ведь можно было все сделать честно.

Утыкаюсь в подушку лицом и кричу.

Меня бьет не развод. И даже не измена. А внутренняя боль оттого, что я не смогла забеременеть. Родить.

Оттого, что я бесплодна.

Я обошла всех врачей, даже по бабкам ходила. Все разводят руками. Теоретически я здорова. Причин нет. Но забеременеть я не могу. Никак.

Была даже у психолога. Она говорила, что это все в моей голове. Точнее, в подсознании. Наверное, все психологи так говорят.

Вообще-то один раз я была беременная. Это произошло почти сразу после нашей свадьбы. Антон не особо был рад, говорил, что мы слишком молоды, что надо встать на ноги.

А я летала...

До сих пор помню это волшебное чувство. Когда понимаешь, что ты уже не одна. Что внутри тебя теплится чудо.

Я настояла – и мы решили беременность сохранить.

А потом случилась та трагедия, которая все изменила.

На двенадцатой неделе мы попали в аварию. Антон был за рулем. Потом выяснилось, что он немного выпил. Ребенка я потеряла.

Больше с тех пор я не могла забеременеть. Ни разу.

Наш нерождённый ребенок снился мне ночами. Я помню, как от него исходило золотистое свечение во сне.

С тех пор я изменилась. Я уже не могла быть той смешливой девушкой. Антон как-то в порыве ссоры сказал, что я чересчур драматизирую.

Что это был просто плод.

Потом он извинялся и говорил, что мы будем пробовать до тех пор, пока не получится.

Наверное, надо было уходить от него еще тогда. А не ждать его предательства.

Психолог мне говорила, что я подсознательно не хочу беременеть от Антона. Что где-то в глубине души считаю его виноватым в случившемся.

Может, так оно и есть?

Но какая теперь разница?

Все кончено. И наш бесплодный брак, и десять лет жизни выкинуты на помойку.

Переворачиваюсь и смотрю на потолок. За окном давно стемнело. Здесь так тихо и хорошо. Нет привычного шума города.

Хочется малодушно спрятаться от всего мира навсегда.

Но надо как-то дальше жить.

Да, сейчас мне больно. Да, внутри кровоточит рана. Но с ней надо как-то научиться жить.

Когда-нибудь она затянется.

Мне надо снова научиться зарабатывать деньги. Беда в том, что последние два года главным добытчиком был Антон. Работу в музее я бросила, да и не хотела туда возвращаться.

Нужно что-то придумать. Я не могу всю жизнь жить у мамы.

В дверь тихо постучали, и вошла мама. Она села на краю кровати и погладила меня по голове.

– Парни уже ушли, – говорит мама, – Сережа расстроился, что ты ушла так рано.

– Как же, расстроился он! Мам, почему ты с ним так ласково разговариваешь? Откуда ты его знаешь? Мам, это же тот самый Соломатов, что доводил меня в старших классах!

– Я знаю, – спокойно отвечает она, – только он уже не мальчик, а взрослый мужчина. Пора бы тебе уже забыть старые обиды. Знаю я его через его маму. Мы с ней вместе в книжный клуб ходим. Он нас отвозил пару раз, когда в городе был. Про тебя спрашивал.

– Что спрашивал?

– Как поживаешь. Где, чем занимаешься. Замужем ли.

– Теперь-то он будет рад, если узнает, что я брошенная разведенка без работы и денег, – ехидно говорю. – Будет чему позлорадствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.